

Керимова Динара Фикретовна

**КОНЦЕПТ "ПЕТЕРБУРГ" В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА И Т. Н. ТОЛСТОЙ: ОПЫТ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ**

В настоящей статье рассмотрены глава "Петербург" из цикла мемуаров А. М. Ремизова "Взвихренная Русь" и ряд очерков из одноименной главы из сборника рассказов и эссе Т. Н. Толстой "Не кысь" как тексты, содержащие в себе так называемый петербургский интертекст, и обнаружены его первоисточники. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным изучением интертекстуальности в литературоведении, а с другой, - необходимостью рассмотрения художественного развития концепта "Петербург", являющегося одним из наиболее ярких в публицистическом наследии обоих авторов и характеризующих их культурно-семиотическую ориентацию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 25-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

что «нации, подобно людям, имеют свою биографию и свои специфические возможности. Следовательно, нациям надлежит познать себя и отталкиваться от этого знания как от предпосылки излечения своих недугов» [1], находит явный отголосок в призывах «Адыгского голоса» изучать родную историю. История – средство самопознания этноса, в ней ответы на вопросы национальной культуры. И именно бережное отношение к национальной истории подвигает создателей «Адыгского голоса» – А. Дымова и Н. Цагова – призывать читателей к сбору и публикации на страницах газеты пословиц, поговорок, загадок, текстов исторических песен.

В свете реформаторских идей оказывается знаковой новая тональность изложения богословских текстов. Так, в «Житии Мухаммеда» [2, с. 258-272] А. Дымов, показывая религиозно-этические каноны через образ совершенной личности, уходит от догматизма священных текстов – образ пророка изображается в реалистической манере, без мистического ореола.

Как видим, идеал совершенного человека в литературе периода становления адыгской письменности, вырастая из потребностей общества и созвучных им идей исламской модернизации, оказывается органичен как ценностям этнической педагогики, так и общечеловеческим традиционным ценностям. Но по прошествии очень короткого времени едва обозначившийся в письменной культуре адыгов идеал совершенного человека резко сменится идеалом нового человека, позиционирующего себя как отрицателя и разрушителя прежнего мира, а стало быть, его ценностей и традиций.

Список источников

1. Аль-Джанаби М. М. Философия современной мусульманской реформации [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/98/05/08980546.html> (дата обращения: 17.05.2017).
2. Антология ранней адыгоязычной литературы / сост. З. М. Налоев. Нальчик: КБИГИ, 2010. 352 с.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 168 с.
4. Дымов А. Г. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2003. 124 с.
5. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 176 с.
6. Кажарова И. А. Оппозиция «душа / тело» в адыгской поэзии // Человек. 2013. № 1. С. 46-62.

THE FORMATION OF THE PERFECT MAN IDEAL IN THE ADYGHE LITERATURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY (BY THE MATERIAL OF A. G. DYMOV'S WORKS)

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology

Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
barsello@rambler.ru

The article discusses the ideal of the perfect man in the context of the Adyghe literature development. By the material of A. G. Dymov's works the paper shows that the ideal of the perfect man should be legitimately interpreted not only as an obvious leitmotif of pedagogy, but also as a projection of the ideas of Islamic reformism, which influence in the studies of the Adyghe culture of the mentioned period remains little-studied so far. Beyond "the parameters" of perfection, usual for religious education, reformism introduces intellectual propaganda in didactic texts and changes the manner of interpretation of the perfect personality from the mystical to realistic one in theological texts.

Key words and phrases: writing; didactic texts; Islamic reformism; idea; ideal.

УДК 82.091

В настоящей статье рассмотрены глава «Петербург» из цикла мемуаров А. М. Ремизова «Взвихренная Русь» и ряд очерков из одноименной главы из сборника рассказов и эссе Т. Н. Толстой «Не кысь» как тексты, содержащие в себе так называемый петербургский интертекст, и обнаружены его первоисточники. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным изучением интертекстуальности в литературоведении, а с другой, – необходимостью рассмотрения художественного развития концепта «Петербург», являющегося одним из наиболее ярких в публицистическом наследии обоих авторов и характеризующих их культурно-семиотическую ориентацию.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; концепт; «петербургский текст»; реминисценция; аллюзия; А. Ремизов, Т. Толстая.

Керимова Динара Фикретовна

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
dinarych2012@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ПЕТЕРБУРГ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА И Т. Н. ТОЛСТОЙ: ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ

Один из самых ярких русских стилистов XX века А. М. Ремизов не раз упоминался критиками в свете размышлений о творческих истоках прозы Т. Н. Толстой. Так, литературный критик А. Немзер, исследуя

единственный на данный момент роман писательницы «Кысь», назвал его «мастеровитой имитацией Ремизова и Замятина» [7]. Действительно, многие языковые и стилистические особенности ее произведений, особенно художественных, присущи ремизовской манере. Отмеченные В. Казаком «привязанность к древним формам русского языка и стремление к обновлению поэтических средств», использование элементов языка русских книг XVII века, «равно как диалектальной и народной лексики» [4, с. 346], легко обнаруживаемы в прозе Т. Н. Толстой. Их изучению посвящен ряд диссертаций, монографий, статей. Однако некоторые концепты, ярко выраженные в творчестве обоих вышеназванных авторов, на сегодняшний день практически не исследованы. В настоящей статье мы попытаемся проследить художественное развитие концепта «Петербург», являющегося одним из наиболее ярких в публицистическом наследии обоих авторов. В качестве объектов исследования мы рассмотрим главу «Петербург» из цикла мемуаров А. М. Ремизова «Взвихренная Русь» и ряд очерков из одноименной главы из сборника рассказов и эссе Т. Н. Толстой «Не кысь».

Книга «Взвихренная Русь», вышедшая в 1927 г. в Париже, стала центральной и наиболее значимой в многообразном творчестве мастера. Именно в этой книге Ремизов рассказал о себе и о пережитом его родиной во время революции. Свидетельством этому стала его надпись на экземпляре «Взвихренной Руси», подаренном писателю Вадиму Андрееву: «Эту книгу я писал, как отходную – исповедь мою перед Россией. Передо мною была легенда о России – образ старой Руси и живая жизнь Советской России. Со старым я попрощался, величая, а с новым – я жил, живу и буду жить. И еще в этой книге революция...» [1, с. 303].

По оценке В. Н. Топорова, которому принадлежит само понятие «петербургского текста» [11, с. 7] в русской литературе, этим произведением А. Ремизов вписал яркие страницы в петербургский текст [Там же, с. 24]. «Взвихренная Русь» – повествование о событиях в России периода 1917-1921 гг. В нем образ Петербурга сохраняет значение центрального символа русской истории последних столетий, с привычными для нее дилеммами «государство или личность», «культура или стихия», «разум или чувство» и др. В художественном выражении этих альтернатив, как, впрочем, и в поэтике всей книги, реминисценции и аллюзии на петербургский текст русской литературы выполняют стилиобразующую функцию. Отметим, что прямые и косвенные реминисценции во «Взвихренной Руси» отсылают нас не только к классическому петербургскому тексту XIX века, но и к «петербургским» произведениям поэтов XX века: А. Белого, А. Блока, Н. Гумилева, В. Розанова.

Строительство подъемного моста через Мойку, цементовой мельницы в Красном, Монплезира в Петергофе, возведение памятников и фонтанов [9, с. 343-356] – все эти конструктивные начинания Петра описаны А. М. Ремизовым с позиции свидетеля-летописца. Исторические справки подкреплены полными именами архитекторов нового города, их диалогами, перипетиями дворцовых пересудов.

Петербург для Ремизова – место духовных и физических страданий людей, олицетворение безвозвратной гибели старой допетровской Руси с ее цельностью, книжностью, верою, старцами, особой духовной миссией. Петербург – тема постоянного спора между Ремизовым и создателем города, спора-диалога, проходящего почти через все произведения писателя. В споре о сущности Петербурга Ремизов примыкает к тем философам, поэтам и писателям, которые считали Петербург порождением дьявола, городом, обреченным на гибель. По силе враждебности и вредности Ремизов ставил преобразования Петра в один ряд с татарским нашествием. Петербург, по мнению автора, – детище Петра – смешная пародия на Европу, попытка, оставаясь «сущей Вязьмой» (определение из «Крестовых сестер»), подражать всему иностранному в жизни, в искусстве, в развлечениях. Это город, в котором разворачивается действие таких разноплановых произведений как «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Евгений Онегин» и «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Как один мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Нос» и «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, «Белые ночи», «Преступление и наказание» и «Идиот» Ф. М. Достоевского и мн. др.

В избранных нами для анализа эссе Т. Толстой Петербург выступает скорее как фон для изображения событий из жизни автора (см. «Женский день», «Белые стены», «Частная годовщина», «Йорик»), нежели как герой, как то было в очерках А. Ремизова. Описание города с позиции истории присутствует лишь в эссе «Чужие сны». Именно в нем Т. Толстая рисует Питер, как она его любит называть, как увиденный по возвращении из Амстердама во сне Петром город. Сетуя на равнодушие и холодность города «на уровне глаз», она отмечает присутствие в нем прежнего величия, пусть и «на уровне крыш»: «Если не запрокидывать голову, то в Питере вообще нечего делать: асфальт как асфальт, пыль или лужи, кошмарные парадные, пахнувшие кошками и человеком, мусорные баки, ларьки с кефиром “Петмол”. Если же смотреть вверх, от второго этажа и выше, то увидишь совсем другой город: там еще живут маски, вазы, венки, рыцари...» [10, с. 231]. В то же время, она вскрывает причину охлаждения земного плана города и даже называет, пусть и аллюзийно, виновника произошедших метаморфоз: «Один, главный, ...заночевал у некоей Маргариты Фофановой... На рассвете, подкрепившись хорошим кофе и теплыми белыми булочками с вареньем из красной смородины, он выскользнул в дождевую мглу и побежал в Смольный: составлять списки жертв, прибирать к рукам то, что ему не принадлежало, ломать то, что не строил...» [Там же, с. 231-232]. Читатель, знакомый с историей России, без труда опознает в этой зловещей фигуре В. И. Ленина. Фофанова, рискуя арестом, некоторое время прятала его у себя в квартире.

В этом же эссе встречаем следующие «петербургские» реминисценции: «От бушующих волн Медного всадника и зелено-бледных пушкинских небес до блоковской желтой зари и болотной нежити – город все тот же, – сырой, торжественный, бедный» [Там же, с. 228]. В рассказе «Йорик» встречается вариация стихотворных строк «Незнакомки» А. Блока [5, с. 57]: «...бабушка благополучно вращалась, нося под грудью, или на талии, осколки морей, частички нежной серо-розовой пасти, и проходила анфиладами комнат, стройная

и маленькая, декадентская Афродита с тяжелым узлом темно-золотых волос, шурша шелками и дыша французскими духами и модными норвежскими туманами» [10, с. 345].

Как мы видим, данные авторские описания содержат в себе отсылки к известным поэтическим произведениям, что позволяет читателям актуализировать свою культурную и литературную память. Так, герой поэмы «Медный всадник» Евгений смотрит на бушующие волны со страхом, тревожась о Параше; в стихотворении «Город пышный, город бедный» встречаем строки: «Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид, Свод небес зелено-бледный, Скука, холод и гранит...» [8]. Не менее примечательны реминисценции из поэзии А. А. Блока. Преобладание желтого («*желтая заря*») и золотого у Блока символизирует разрушение. Недаром бледное небо «*сожжено пожаром зари*», а фонари, горящие на желтом небе, не сливаются с ним, а выделяются ярким пятном – желтое на желтом, а в стихотворении «Болотные чертеньки» обнаруживается та самая, заявленная Т. Н. Толстой «нежить»: «И сидим мы, дурачки, – // Нежить, немочь вод. // Зеленеют колпачки // Задом наперед» [3]. Здесь мы обнаруживаем те же, что и в текстах А. Ремизова, отсылки к классическим произведениям пушкинской эпохи и символистским «петербургским» текстам прошлого столетия.

В свете вышеизложенного, мы можем отметить популярность петербургского интертекста как в творчестве Алексея Ремизова, так и в текстах Татьяны Толстой. Основными его источниками в обоих случаях являются произведения А. С. Пушкина и лирика поэтов-символистов. Характер исходных текстов, ссылки на которые были нами найдены в ходе исследования, позволяет отметить схожесть культурно-семиотических ориентиров А. Ремизова и Т. Толстой. Пушкинский Петербург – объект для удивления и восторга, город больших надежд и благородных устремлений – и Петербург символистский – противоречивый и амбивалентный – в равной степени важны и интересны им, причем не только как топосы, но и как полноценные герои повествования. Отметим, что во многих современных текстах определенно заметна зависимость авторского (как, впрочем, и читательского) восприятия от литературных «петербургских» ассоциаций (особенно ярко это проявляется в текстах А. Битова, М. Веллера, М. Палей, В. Пелевина, О. Стрижака, В. Шефнера и др.). Это свидетельство популярности и сегодня «петербургского» интертекста в литературе и негаснущего интереса писателей к Северной Пальмире как столице русского искусства.

Список источников

1. Андреев В. История одного путешествия. Повести. М.: Советский писатель, 1974. 372 с.
2. Анциферов Н. Непостижимый город. СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
3. Блок А. А. Болотные чертеньки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kostyor.ru/poetry/blok/?n=57> (дата обращения: 22.05.2017).
4. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996. 491 с.
5. Керимова Д. Ф. Гипертекстуальность малой прозы Т. Н. Толстой (на материале сборника рассказов и эссе «Не кысь») // Международный научно-исследовательский журнал (International research journal). Екатеринбург, 2016. № 4 (46). С. 56-58.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
7. Немзер А. Азбука как азбука: Т. Толстая надеется обучить грамоте всех буратин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/kys.html> (дата обращения: 22.05.2017).
8. Пушкин А. С. Город пышный, город бедный [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0477.htm (дата обращения: 22.05.2017).
9. Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М.: Советская Россия, 1990. 400 с.
10. Толстая Т. Н. Не кысь. М.: Эксмо, 2011. 608 с.
11. Топоров В. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 614 с.
12. Черняк М. А. Современная русская литература. М.: ФОРУМ; САГА, 2010. 352 с.

THE CONCEPT “PETERSBURG” IN A. M. REMIZOV’S AND T. N. TOLSTAYA’S CREATIVE WORK: THE ATTEMPT OF INTERTEXTUAL READING

Kerimova Dinara Fikretovna
Dagestan State University, Makhachkala
dinarych2012@yandex.ru

In this article the author considers the chapter “Petersburg” from the memoirs by A. M. Remizov “Wind-blown Rus” and a number of essays from the same chapter from the collection of short stories and essays by T. N. Tolstaya “Not Kys” as texts containing the so-called Petersburg intertext and reveals its original sources. The relevance of this study is, on the one hand, conditioned by the active study of intertextuality in literary criticism and, on the other hand, by the need to consider the artistic development of the concept “Petersburg”, which is one of the most striking in the publicistic heritage of both authors and characterizes their cultural and semiotic orientation.

Key words and phrases: intertextuality; concept; “St. Petersburg text”; reminiscence; allusion; A. Remizov, T. Tolstaya.